

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ»

В обзоре представлены тезисы доклада профессора Л. Б. Ескиной, посвященного становлению института конституционно-правовой ответственности. В них, в частности, отмечено, что с теоретической точки зрения можно говорить о появлении нового отраслевого вида юридической ответственности и нового правового института в рамках отрасли конституционного права. Данное правовое явление может быть подвергнуто анализу и как сложная правовая связь — конституционно-правовое отношение. Механизм конституционно-правовой ответственности напрямую связывает субъекта с его конституционным статусом и вытекающими из него правами и обязанностями. Потеря такого статуса, как правило, и является мерой негативной конституционно-правовой ответственности. Конституционно-правовая ответственность проявляется как позитивная и негативная. Исходное основание позитивной и негативной конституционно-правовой ответственности — приобретение конституционного статуса. Непосредственное основание негативной конституционно-правовой ответственности — неправомерное поведение в рамках этого статуса (конституционно-правовой деликт). Непосредственное основание позитивной ответственности имеет смысл выделять в случаях вынесения поощрения. В завершении доклада были сформулированы проблемы и направления совершенствования законодательства, задачи правовой науки в рассматриваемой сфере отношений. В обсуждении приняли участие ведущие ученые-конституционалисты, преподаватели юридических вузов, представители органов государственной власти и общественных формирований Санкт-Петербурга. Обсуждение проходило в рамках межвузовского круглого стола, организованного кафедрой конституционного права Северо-Западного Института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: обзор, круглый стол, юридическая ответственность, правовой институт, конституционно-правовая ответственность.

INTER-UNIVERSITY PANEL DISCUSSION "FORMATION OF THE INSTITUTE OF CONSTITUTIONAL LIABILITY IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM"

This review contains the summary of Professor L. B. Eskina's report devoted to the formation of the institute of constitutional liability in the modern Russian Law. In particular, it is noted that, from a theoretical point of view, constitutional liability can be seen as a new kind of legal liability and a new legal institute in the field of constitutional law. This legal phenomenon can be analyzed as a complex legal connection — the constitutional legal relation. The mechanism of constitutional liability directly connects the agent with its constitutional status and the rights and obligations arising from it. The loss of such status, as a rule, is a measure of negative constitutional liability. Constitutional liability is considered as a positive and negative one. The basis of positive and negative constitutional liability is the acquisition of a constitutional status. The ground of negative constitutional liability is misconduct

in the framework of this status (constitutional legal tort). The ground of positive constitutional liability can be seen in the case of encouragement. At the end of the report the author formulated the problems and the ways to improve the legislation, as well as the tasks of the legal theory in this area of relations. Leading scientists in the sphere of constitutional law and theory, law school professors, representatives of public authorities and public organizations of Saint-Petersburg took part in the discussion which was held within the framework of inter-university panel discussion organized by the Department of Constitutional Law of the North-West Management Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

KEYWORDS: review, panel discussion, legal liability, legal institute, constitutional liability.

8 февраля 2013 г. на юридическом факультете Северо-Западного института управления (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург) состоялось заседание межвузовского круглого стола на тему «Формирование института конституционно-правовой ответственности в российской правовой системе», организованного кафедрой конституционного права СЗИУ РАНХиГС.

В работе круглого стола приняли участие судьи и сотрудники аппарата Конституционного Суда РФ, представители органов власти Санкт-Петербурга (Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, Администрации Губернатора Санкт-Петербурга, Уставного суда Санкт-Петербурга), представители Петербургского гражданского форума, а также вузов Санкт-Петербурга, обеспечивающих преподавание юридических дисциплин (Санкт-Петербургский филиал Высшей школы экономики, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургский государственный университет авиакосмического приборостроения, Северо-Западный филиал Российской правовой академии Министерства юстиции РФ).

Заседание открыл декан юридического факультета проф. **А. А. Старовойтов**. С приветственным словом выступил зам. директора СЗИУ РАНХиГС проф. **В. А. Васецкий**. Функции модератора выполняла зав. кафедрой конституционного права СЗИУ РАНХиГС проф. **Л. Б. Ескина**.

Участникам встречи был предложен для обсуждения ряд вопросов, касающихся мер государственно-правового принуждения, предусмотренных действующим конституционным законодательством, их соотношения с мерами публично-правовой ответственности, критериев обоснования видов юридической ответственности, а также формирования нового вида юридической ответственности в рамках отрасли конституционного права и соответствующего правового института.

В основном докладе «**К вопросу об обосновании института конституционно-правовой ответственности в российской правовой системе**» проф. **Л. Б. Ескина** отметила, что закрепив принцип правового

государства, Конституция РФ поставила вопрос о правовой ответственности этого государства за свои действия, прежде всего за нарушение самой Конституции. Кроме того, данный принцип во взаимосвязи с такими основами конституционного строя, как верховенство, высшая юридическая сила и прямое действие конституции, вызвал потребность в более высоком уровне охраны конституционного порядка. В ответ на эти вызовы в российском конституционном законодательстве последних десятилетий появилась целая система мер государственно-правового принуждения, применяемых к субъектам конституционно-правовых отношений. Анализ этих мер позволяет поставить вопрос об особом виде юридической ответственности, возникающем в рамках конституционно-правового регулирования. Концепция обоснования данного предположения может быть построена на следующих тезисах.

1. В современной отечественной правовой науке существует мнение, что в рамках правовой системы России формируется правовой институт конституционно-правовой ответственности.

2. С теоретической точки зрения можно говорить о появлении:

— новой юридической конструкции (социальная заданность, юридические функции, структура, механизмы);

— нового отраслевого вида юридической ответственности (особенности и отличия от иных видов);

— нового правового института в рамках отрасли конституционного права (предмет, нормативная база, принципы).

3. Данное правовое явление может быть подвергнуто анализу и как сложная правовая связь — конституционно-правовое отношение. В последнем варианте под конституционно-правовой ответственностью можно понимать возникающее в результате конституционно-правового регулирования сложное правовое отношение, предполагающее должное правомерное поведение субъектов этих отношений в рамках их конституционного статуса (позитивная ответственность) либо применение к ним государственно-правового принуждения, сопряженного с негативными последствиями для данного субъекта, как результат его неправомерного поведения в рамках данного статуса (негативная ответственность).

4. Цель данного института — обеспечение конституционной законности, конституционного правопорядка (верховенство, легитимность конституции, приоритет прав человека и гражданина). К его функциям относятся: профилактическая (предупреждение), правовоспитательная (уважение к праву, конституции), правоохранная (охрана конституции), карательная (наказание).

5. Механизм конституционно-правовой ответственности напрямую связывает субъекта с его конституционным статусом и вытекающими из него правами и обязанностями. Потеря (аннулирование) такого статуса, как правило, и является мерой негативной конституционно-правовой ответственности.

6. Конституционно-правовая ответственность структурно проявляется как позитивная и негативная конституционно-правовая ответственность. *Позитивная* конституционно-правовая ответственность предполагает реализацию отношения должностования, вытекающего из конституционного статуса субъекта, т. е. его поведение, соответствующее целям, возможностям, границам этого статуса. *Негативная* конституционно-правовая ответственность связывается с поведением, не соответствующим целям, границам, возможностям, вытекающим из определенного конституционного статуса (например, статуса беженца, временного убежища, общественного

объединения, высшего должностного лица субъекта Федерации), правонарушающим поведением именно в рамках данного статуса.

7. Для своей реализации отношения позитивной ответственности требуют создания определенных условий, в том числе гарантий (например, иммунитеты). Из отношений позитивной ответственности вытекают институты поощрительного и наградного права.

8. Субъектами конституционно-правовой ответственности являются физические и юридические лица, обладающие конституционно-правовым статусом (гражданин, лицо, получившее политическое убежище, статус беженца, вид на жительство и др.; политическая партия, религиозное объединение), а также государственные, муниципальные органы и должностные лица (законодательный орган и высшее должностное лицо субъекта РФ, представительный орган местного самоуправления, депутат, судья и др.), Российская Федерация (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ). Не являются субъектами негативной конституционно-правовой ответственности народ России (ст. 3 Конституции РФ), народы России (ч. 3 ст. 5 Конституции РФ), коренные малочисленные народы, национальные меньшинства, малочисленные этнические общности (ст. 69, п. «в» ст. 71, п. «м» ст. 72), субъект РФ.

9. Исходное основание позитивной и негативной конституционно-правовой ответственности — приобретение конституционного статуса. Непосредственное основание негативной конституционно-правовой ответственности — неправомерное поведение в рамках этого статуса (конституционно-правовой деликт). Непосредственное основание позитивной ответственности имеет смысл выделять в случаях принятия поощрения.

10. Конституционно-правовую ответственность следует отличать от:

- иных мер государственно-правового принуждения (предупреждение, обеспечение, пресечение, охрана);
- мер обеспечения законности нормативных и правоприменительных актов (отмена, признание недействующим, неконституционным и др.);
- организационно-властных механизмов, используемых для обеспечения единой государственной политики, в условиях разделения властей, функционирования назначаемых и единоначальных государственных структур (ропуск Государственной Думы, отставка Правительства РФ, прекращение полномочий по недоверию).

11. В результате развития публично-властных отношений и законодательства, их опосредующего, ряд мер юридической ответственности, ранее относимых к административной и дисциплинарной ответственности, приобрели конституционно-правовую природу (выдворение иностранного гражданина, лишение статуса судьи).

12. Негативная конституционно-правовая ответственность в сфере федеративных отношений (федеративная ответственность) практически не применяется в современных федерациях. С точки зрения современной доктрины демократического правового государства такая ответственность вообще не должна иметь места в правовой системе.

В завершении выступления Л. Б. Ескина остановилась на проблемах и направлениях совершенствования законодательства, задачах правовой науки в рассматриваемой сфере отношений, которые кратко были сформулированы следующим образом:

- 1) отсутствие в конституционном законодательстве соответствующего понятия и юридико-техническое смешение норм данного института с иными правовыми институтами при законодательном их закреплении;
- 2) законодательная разбросанность норм, отражающих данный правовой институт, отсутствие каких-либо тенденций к их систематизации;

3) отсутствие теоретической разработанности законодательного закрепления принципов конституционной ответственности;

4) проблема имманентности принципа неотвратимости ответственности данному правовому институту;

5) проблема множественности и достаточной правовой урегулированности юрисдикционного процесса в рамках данного института;

6) неясно, должна ли конституционно-правовая ответственность влечь состояние наказанности.

По мнению докладчика, формирование института конституционно-правовой ответственности предполагает решение следующих задач:

1) разработка и закрепление принципов конституционно-правовой ответственности;

2) более четкое законодательное закрепление оснований (деликтов) и мер негативной конституционно-правовой ответственности;

3) четкое законодательное закрепление процедур и инстанций конституционно-правовой ответственности;

4) систематизация норм, составляющих данный институт;

5) возврат норм, устанавливающих меры конституционно-правовой ответственности, из механизмов регулирования других отраслей права.

Обсуждение доклада открыл проф. Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (СПбГУЭФ) **В. А. Сапун**, он считает, что на основании норм конституционного права возникает особая группа общерегулятивных, статусных отношений, и расширять понятие юридической ответственности до любой отрасли права неправильно. Существуют традиционные виды ответственности, среди них выделяют отраслевые: уголовную, административную, гражданско-правовую, дисциплинарную. В связи с этим возникает вопрос о специфике конституционно-правовой ответственности и ответственности в конституционном праве. При всем уважении к мнению, выраженному в докладе, следует признать, что позитивной ответственности не существует. «В молодые годы я взялся писать докторскую диссертацию о позитивной ответственности, но меня подверг резкой критике мой уважаемый учитель С. С. Алексеев. Он указал, что в системе юридических понятий, в правильно построенном соотношении понятий теории права, мы не находим места, где может поместиться позитивная ответственность. Существует только негативная юридическая ответственность. После тщательного рассмотрения этого вопроса я был вынужден согласиться с мнением С. С. Алексеева», — пояснил В. А. Сапун.

По мнению судьи Конституционного Суда РФ проф. **А. Н. Кокотова**, меры конституционно-правовой ответственности занимают особое место в совокупности мер конституционно-правового принуждения и заключаются в возложении на виновных лиц обязанности претерпевать лишения конституционно-правового характера за совершение конституционно-правовых, иных правонарушений.

От других видов юридической ответственности конституционно-правовую ответственность отличает в первую очередь своеобразие санкций. Конституционно-правовые санкции не затрагивают личную, физическую свободу индивидов, что характерно для многих уголовно-правовых санкций, административного ареста. Они не ущемляют прямо имущественный статус индивидов, организаций, как это происходит в результате применения гражданско-правовых, финансово-правовых санкций, ряда административных взысканий (штрафы, конфискация предметов). Они осуществляются вне отношений прямого подчинения по службе, что характерно для дисциплинарной ответственности.

В конечном счете, как ни парадоксально это звучит, конституционно-правовые санкции не задевают напрямую общие конституционные права и свободы человека и гражданина, за исключением, может быть, только общих политических прав и свобод, таких как право на обретение гражданства, на объединение, право избирать и быть избранным. Объект их поражения — специальные правовые статусы индивидов, органов, организаций, должностных лиц, закрепляемые нормами конституционного права. Это статусы депутата, главы государства, иных выборных должностных лиц, кандидата в депутаты, на выборную должность, учредителя политической партии, иного общественного объединения, религиозного объединения, средства массовой информации. Это статусы таких субъектов, как парламент, правительство, избирательные комиссии, политические партии, иные общественные объединения, религиозные объединения, средства массовой информации.

Конституционно-правовые санкции особы не только по объекту поражения, но и по своему характеру. Они заключаются в ущемлении или изъятии вышеназванных конституционно-правовых статусов. Ближайший аналог названных санкций — лишение специального права (например, права охоты в административном праве). Их принципиальное различие — сфера предоставления и осуществления соответствующих специальных правовых статусов. Конституционно-правовые санкции действуют в сфере формирования и осуществления верховной государственной власти, политической системы, административно-правовые санкции — в сфере исполнительной власти.

В числе мер конституционно-правовой ответственности как реакции на совершение конституционно-правовых, иных правонарушений можно выделить следующие: 1) отрешение от должности Президента РФ; 2) досрочное прекращение полномочий депутата по решению соответствующего представительного органа в связи с несоблюдением им ограничений по должности; 3) роспуск законодательного органа субъекта РФ главой субъекта РФ в случае принятия данным органом нормативного правового акта, противоречащего федеральному законодательству по предметам ведения РФ и предметам совместного ведения РФ и ее субъектов, конституции (уставу) субъекта РФ, если такие противоречия установлены судом, а законодательный орган не устранил их в течение шести месяцев со дня вступления в силу судебного решения; 4) отмена решения о регистрации кандидата в депутаты на выборную должность избирательной комиссией, судом в связи с нарушением теми избирательного законодательства; 5) отмена решения избирательной комиссии об избрании депутата, выборного должностного лица в связи с отказом лица оставить должность, не совместимую с депутатским мандатом; 6) ликвидация общественных, религиозных объединений, средств массовой информации по суду; 7) расформирование избирательной комиссии вышестоящей избирательной комиссией или судом; 8) отмена решения о принятии лица в гражданство.

Мерой конституционно-правовой ответственности является отзыв депутатов, выборных должностных лиц избирателями. Ранее, когда законодательство единственным основанием отзыва называло утрату депутатом доверия избирателей, эта мера имела защитно-восстановительный характер. Однако Конституционный Суд РФ в Постановлении от 2 апреля 2002 г. № 7-П¹ указал, что законодатель обязан в качестве оснований отзыва

¹ СЗ РФ. 2002. № 14. Ст. 1374.

выделять конкретные решения, действия (бездействие) депутатов, должностных лиц, подтверждаемые или опровергаемые в судебном порядке. По сути, Суд указал на необходимость выделения в качестве оснований отзыва конституционных или иных правонарушений. Поэтому отзыв в таком его истолковании стал санкцией за виновное совершение правонарушения (правонарушений).

Применение мер конституционно-правовой ответственности требует четкого нормативного закрепления соответствующих составов правонарушений. В настоящее время в данной сфере такое четкое регулирование, к сожалению, отсутствует. Это проявляется, например, в отсутствии указания на необходимость вины и ее конкретную форму при введении избирательных правонарушений, принудительном досрочном прекращении полномочий депутата в связи с несоблюдением им ограничений по своей должности.

Поскольку меры конституционно-правовой ответственности ущемляют (изымают) специальные конституционные статусы (права) индивидуальных или коллективных субъектов, то к их числу нельзя отнести такие близкие им меры, как отказ в регистрации общественного, религиозного объединения, средства массовой информации, избирательного объединения, избирательного блока, отказ в предоставлении российского гражданства, статуса беженца, вынужденного переселенца. Перечисленные властные действия уполномоченных органов нельзя рассматривать как ограничивающие (изымающие) права индивидуальных или коллективных субъектов. Их суть не в ограничении (изъятии), а в непредоставлении каких-либо прав (статусов), в недопущении людей в определенные сферы общественной жизни. Таким образом, следует различать процедуры ограничения прав и непредоставления прав. Непредоставление прав, как и ограничение прав, не может использоваться произвольно, должно иметь под собой четкие, закрепленные в законе основания и применяться в строгой процессуальной форме.

Заместитель руководителя Секретариата Конституционного Суда РФ проф. **В. А. Сивицкий** заметил, что спор о существовании института конституционно-правовой ответственности относится к числу тех, в которых, наверное, никогда не будет найден консенсус. Рассматриваемый вопрос (о том, существует ли такая особая разновидность ответственности) — это, скорее, вопрос «научной веры», примерно так же, как проблема нормативной природы решений Конституционного Суда — сколько бы ни говорили, ни аргументировали, но сторонники двух противоположных взглядов (о наличии или отсутствии таковой) все равно, скорее всего, останутся при своем. Это не значит, что спор не нужен, даже если истина в нем не родится — интересный научный диалог и приятен, и полезен с точки зрения совершенствования и поддержания навыков дискуссии. Но ожидать, что логика и глубина аргументации станут ключевыми для формирования итогового вывода аудитории, здесь, наверное, не имеет большого смысла.

Как противник «преумножения правовых сущностей», В. А. Сивицкий указал на уязвимость отнесения тех или иных институтов к конституционно-правовой ответственности. Достаточно спорно, по его мнению, ответственность беженцев в форме лишения их такого статуса считать конституционно-правовой. Ликвидация политической партии в принципиальном плане (не по конкретному перечню оснований, а по существу) мало чем отличается от ликвидации других организаций, к сфере конституционного права точно не относящихся. Ответственность судей все привыкли воспринимать как дисциплинарную, и вряд ли есть серьезные предпосылки к изменению

этой позиции. А ради, например, ответственности депутатов за ненадлежащее поведение, за нарушение запретов, связанных со статусом, вряд ли целесообразно вводить категорию конституционно-правовой ответственности. В конце концов, с учетом того, что они находятся в определенном подчинении по отношению к руководителю организации — председателю представительного органа, — можно тоже считать это дисциплинарной ответственностью или мерами государственно-правового принуждения.

В ряде случаев можно говорить о политической ответственности с существенным правовым элементом — когда основания ответственности правовые (например, роспуск представительного органа местного самоуправления за неисполнение судебного решения о незаконности его нормативного акта) или «правоподобные» (как, например, при удалении в отставку главы муниципального образования представительным органом местного самоуправления, где четкий состав правонарушения выявить проблематично), но при этом принятие решения о применении неблагоприятных последствий все равно основано не на принципе неотвратимости, а на политической или даже личной оценке соответствующего лица или органа. Но именно в силу последнего обстоятельства это не правовая ответственность, да и докладчик тоже не относит ее к конституционно-правовой.

По мнению В. А. Сивицкого следует избегать продвижения идеи о необходимости четкого законодательного закрепления (систематизации) конституционно-правовой ответственности, включая закрепление деликтов и санкций. Не исключено, что такая идея может быть поддержана. Но когда дойдет дело до написания текста закона, скорее всего, отнюдь не те замечательные ученые, которые предлагают эту идею, будут его авторами. И здесь можно ожидать не только выдумывание новых избыточных составов, но и дублирование с уже устоявшимися видами ответственности, т. е. нарушение принципа ненаказуемости дважды за одно и то же правонарушение и т. д. Может быть, поэтому лучше действовать по принципу «не буди лихо, пока оно тихо» и не преумножать сложности и неприятности этого мира.

Думается, что и нынешние институты конституционно-правового статуса должностных лиц и органов власти включают в себя механизмы, позволяющие при желании качественно обеспечивать законность их деятельности. Нет необходимости все эти институты складывать «в одну корзину». В отдельных случаях их можно совершенствовать, как, например, рядом постановлений Конституционного Суда РФ был усовершенствован институт досрочного прекращения полномочий судьи за совершенствование дисциплинарного проступка (Постановления Конституционного Суда от 28 февраля 2008 г. № 3-П² и от 20 июля 2011 г. № 19-П³).

Советник Конституционного Суда РФ проф. **С. Л. Сергеевич** обратил внимание на то, что в научной литературе достаточно четко выделяются два основных подхода к проблеме юридической ответственности: в русле традиционного специально-юридического анализа она трактуется как ретроспективная категория, в то время как в широком аспекте ответственность понимается и как обращенная в будущее обязанность. При этом последняя фактически теряет свое специально-юридическое (регулятивное) содержание, претендуя на сохранение правовых характеристик лишь

² СЗ РФ. 2008. № 10 (ч. 2). Ст. 976.

³ СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4809.

в описании позитивных санкций, что в сфере конституционного права может найти свое выражение, например, в системе регулирования поощрений за положительное поведение (наградное право). Полемика между представителями этих подходов фактически перемещает научный спор в лингвистическую плоскость. Быть может, это связано с тем, что сама категория позитивной ответственности в большей мере относится к той части правовой действительности, которую принято именовать общесоциальным (информационным, воспитательным, идеологическим и т. п.) воздействием права, непосредственно не связанным с собственно правовым регулированием.

По мнению судьи Конституционного Суда РФ проф. **К. В. Арановского** и проф. **С. Л. Сергевнина**, даже в ретроспективном срезе потенциал признания самостоятельности конституционно-правовой ответственности снижает влияние как минимум двух факторов: насыщенности рассматриваемых правоотношений «политической дискреционностью»; следующей из этого диспозитивности применения конституционно-правовой санкции за совершенное правонарушение (в тех нечастых случаях, когда налицо его состав). Последнее обстоятельство существенным образом подрывает имманентный принцип неотвратимости, свойственный любому типу юридической ответственности. Можно, разумеется, рассуждать об особой специфике конституционно-правовой ответственности, однако сфера ее представляется достаточно узкой. Критерий утраты субъектного конституционно-правового статуса не может быть признан системообразующим, если сама конституционно-правовая ответственность не реализуется в правоотношениях охранительного характера, структура которых предполагает безусловную обязанность субъекта, совершившего конституционно-правовой деликт, претерпеть соответствующие неблагоприятные последствия.

Профессор юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ **И. Л. Честнов** считает, что проблема конституционной ответственности — одна из наиболее актуальных как для современной науки конституционного права, так и для юриспруденции в целом. Она связана прежде всего с необходимостью ответственного отношения высших должностных лиц государства, государственных органов и самого государства к своим обязанностям перед обществом за правонарушения. В то же время приходится признать, что как правовой институт конституционная ответственность в законодательстве отсутствует и в теории этот вопрос практически не разработан.

В своем выступлении И. Л. Честнов остановился на наиболее важной теоретической проблеме — основаниях конституционной ответственности. В теории права традиционно считается, что основанием негативной (или ретроспективной) юридической ответственности является совершенное правонарушение. Сама же ответственность реализуется с момента вступления в силу решения правоприменительного органа, в котором соответствующее деяние квалифицировано как состав правонарушения и назначено наказание.

Переноса это положение в область конституционного права, приходится признать, что достаточно сложно сформулировать понятие собственно конституционного правонарушения и привести его виды. Проблема не только в необходимости отграничить конституционный проступок от преступления (например, при процедуре импичмента президента), но и в выделении признаков (прежде всего общественной опасности и противоправности) и элементов состава правонарушения, особенно если

субъектом конституционной ответственности признать государственный орган или само государство (т. е. коллективный субъект). Для признания коллективного субъекта правонарушителем и, соответственно, субъектом ответственности необходимо изменить господствующее представление об основном элементе субъективной стороны состава правонарушения — вине — как психическом отношении к деянию и его последствиям. В связи с этим представляется важным разработать конструкцию конституционных обязательств, заимствуя соответствующую категорию из гражданского права. Таковые, как известно, не предполагают личную вину субъекта деяния. Именно конституционные обязательства могут стать теоретическим основанием так называемой абсолютной конституционной ответственности, тем более что законодательство их имплицитно предусматривает, например, в случае утраты доверия главы государства к главе субъекта РФ.

С точки зрения советника Конституционного Суда РФ проф. **А. С. Карцова**, догматическая разработка конструкции конституционно-правовой ответственности оправдана лишь в целях устранения пробелов действующего регулирования. В первую очередь речь идет о совершенствовании (точнее, о создании) механизмов ответственности должностных лиц (в большинстве случаев — высших должностных лиц), выполняющих непосредственно предусмотренные Конституцией РФ функции. На настоящий момент серьезным недостатком этих механизмов зачастую является отсутствие негативного компонента юридической ответственности (санкция за неисполнение возложенной публично-правовой обязанности) при наличии ее позитивного компонента (возложение публично-правовой обязанности). Означенный негативный компонент, даже будучи установлен, не может — ни институционально, ни процессуально — быть реализован в рамках какого-либо из имеющихся видов публично-правовой ответственности.

Как правило, обязательства высших должностных лиц текстуально закреплены в нормативных актах (например, в Конституции). В иных случаях возложение этих обязательств опосредуется юридически значимыми процедурами (например, путем принесения присяги при вступлении в должность). И то, и другое сообщает данным обязательствам безусловно правовой характер. Однако отмеченное выше отсутствие негативного компонента юридической ответственности с неизбежностью способствует восприятию таких обязательств в качестве внеправовых (т. е. политических или моральных) и не порождающих никакой юридической ответственности вовсе. Именно на устранение этого существеннейшего дефекта, как представляется, должно быть в первую очередь нацелено введение в действующее регулирование института конституционно-правовой ответственности.

Кроме того, простое перемещение составов правонарушений, преследуемых в рамках иных видов юридической ответственности (прежде всего административно-правовой), в пределы конституционно-правовой ответственности не слишком продуктивно. Исходя из соображений процессуальной экономии, вряд ли целесообразно достижение строгого тождества между правоотношениями, регулируемым конституционным правом, и правоотношениями, в целях защиты которых вводится конституционно-правовая ответственность. Правоотношения второго типа — лишь составная часть правоотношений первого типа. Ответственность за значительную часть правонарушений, покушающихся на регламентируемые конституционным правом объекты, достаточно эффективно реализуется в рамках уже имеющихся механизмов (например, вопросы гражданства и domiciliрования) и, вероятно, еще качественнее будет претворяться в жизнь с введением административной юстиции.

Таким образом, только одно исключение — досрочное прекращение полномочий судей — надлежит трактовать не в качестве меры дисциплинарной ответственности, но именно как меру конституционно-правовой ответственности, возлагаемую в соответствии с особыми процессуальными правилами, служащими гарантиями соблюдения конституционного статуса судьи. Аналогичным образом мерой конституционно-правовой ответственности (а не трудово-правовой) будет осуществляемое в судебном порядке досрочное прекращение полномочий депутата законодательного органа при выявлении обстоятельств, свидетельствующих о нарушении требований о несовместимости мандата с занятием определенной деятельностью.

Если доктринальная обоснованность обсуждаемого вида ответственности не вызывает сомнений, то очевидную сложность представляет ее институциональная и процессуальная проработка. Ведь в данном случае к юридической ответственности привлекаются, как правило, уполномоченные представители (руководители, члены) высших органов государственной власти. Более того, субъектами ответственности в ряде случаев могут выступать органы публичной власти и, в качестве публично-правовых образований, отдельные территориальные единицы государства (федеральная интервенция; отмена решения, принятого на местном референдуме). Теоретически к конституционно-правовой ответственности может быть привлечено и государство в целом. Несомненно, институционально-процессуальное обеспечение формируемых механизмов конституционно-правовой ответственности потребует расширения полномочий высших органов судебной власти. При этом судебное постановление, устанавливающее факт несоблюдения конституционного обязательства, само по себе может выступать мерой конституционно-правовой ответственности.

По мнению доцента Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (РГПУ) **А. Э. Чернокова**, конституционная ответственность как институт права возможна только в рамках определенного политического режима (демократия) и соответствующей формы правления (республика). Становление конституционной ответственности происходит одновременно с включением в ментальные установки «политического класса» таких понятий, как «парламентаризм», «легитимность», «законность». Родиной конституционной ответственности является Великобритания, где ответственность должностных лиц перед парламентом утвердилась в XV в. Юридическая фиксация конституционной ответственности осуществляется в ходе создания современных конституций (например, в США).

В практическом плане конституционная ответственность реализуется только в ходе противоборства различных политических сил. Население и элитарные круги должны осуществить импичмент главы государства хотя бы дважды, чтобы воспринимать его как совершенно нормальный способ разрешения политических конфликтов.

В отечественной правовой системе этот правовой институт только зарождается. В Конституции РФ 1993 г. механизм отстранения главы государства от занимаемой должности настолько сложен, что его фактически невозможно реализовать. В этом аспекте необходимы изменения в тексте Конституции РФ в целях некоторого упрощения процедуры импичмента. Только реальная возможность применения импичмента позволит «дисциплинировать» высших должностных лиц страны. Это положение относится не только к главе государства и другим должностным лицам федеральной власти, но и к руководителям субъектов РФ. Губернаторы должны нести конституционную ответственность за определенные противоправные

действия. Соответствующие правила могут образовывать отдельный региональный закон либо включаться в конституцию (устав) субъекта РФ.

В докладе, представленном для обсуждения, было подчеркнуто, что для определения границ института конституционно-правовой ответственности и ее особенностей необходимы выявление социальной потребности, которую реализует этот институт, учет имеющихся теоретических разработок и реальной картины его функционирования. Именно на вопросе о соотношении практики и теории в обосновании конституционно-правовой ответственности остановился начальник Управления конституционных основ публичного права Конституционного Суда РФ доц. **Е. В. Тарибо**. Практика выступает критерием истинности для любых теоретических разработок. Этот избитый тезис имеет не одно лишь методологическое измерение. Сегодня проверка на практике научных выкладок по теме конституционной ответственности может дать не только сведения о том, насколько истинны те или иные теоретические конструкции. Попутно такая проверка может показать другой результат — недостаточность теории и определенное ее отставание от реального политико-правового процесса, от актуальной практики применения мер конституционно-правовой ответственности.

Так, Конституционный Суд в конце 2012 г. при рассмотрении одного из резонансных дел в порядке абстрактного нормоконтроля столкнулся с вопросом о том, является ли лишение депутатского мандата за нарушение запрета на осуществление экономической деятельности мерой конституционной ответственности (в ее негативном аспекте, предполагающем наказание). Насколько очевиден ответ на этот вопрос? Ведь запреты и ограничения (которые предусмотрены законоположениями, оспоренными в указанном деле) не носят характер, присущий исключительно профессиональной деятельности парламентария. По своей правовой природе, целям и предназначению они во многом аналогичны запретам и ограничениям, установленным в отношении иных государственных должностей, а также должностей государственной службы. Конституционный Суд РФ уже рассматривал вопросы о конституционности некоторых из них (например, установленных в отношении судей, государственных гражданских служащих, сотрудников полиции, военнослужащих). Анализ решений Суда по указанным вопросам и соответствующего отраслевого законодательства показывает, что нарушение запретов и ограничений не всегда можно рассматривать как деликт, как виновное правонарушение. Некоторые жизненные обстоятельства могут носить объективный характер и быть несовместимы со специальным правовым статусом, а потому выступают основанием (фактором) его прекращения.

Тем не менее Конституционный Суд РФ в деле «о лишении депутатского мандата» квалифицировал прекращение полномочий депутата по одному из таких оснований в качестве меры конституционно-правовой ответственности.⁴ Базируясь на данном ключевом для рассмотренного дела выводе, Конституционный Суд РФ указал на необходимость предоставления лицу, привлеченному к конституционной ответственности, безусловной возможности оспорить в судебном порядке акт о лишении депутатских полномочий. По сути, Верховный Суд РФ, принимая решение по заявлению такого лица, должен не только проверить соблюдение процедуры принятия постановления Государственной Думы (в том числе процедуры

⁴ *Постановление* Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 78.

принятия решения специальной парламентской комиссией), но и оценить обстоятельства, послужившие основанием для прекращения полномочий парламентария.

Однако проблемные вопросы не заканчиваются на стадии привлечения к конституционной ответственности. В докладе было обращено внимание на вопрос о последствиях привлечения к конституционной ответственности. Он носит не праздный, а вполне практический характер, ведь в других видах юридической ответственности (уголовной, административной, дисциплинарной) институты судимости или наказанности играют особую роль. Может ли конституционно-правовая наказанность влиять на конституционные правоотношения, в которых наказанное лицо продолжает участвовать? Например, коллегиальный постоянно действующий руководящий орган политической партии вправе предложить Центральной избирательной комиссии РФ кандидатуру зарегистрированного кандидата федерального списка кандидатов для замещения вакантного депутатского мандата. Может ли «наказанный» гражданин вернуться в депутатское кресло в порядке замещения вакантного мандата, если он остается в федеральном списке кандидатов? Ответ на этот вопрос в немалой мере зависит от того, обязательно ли соблюдать очередность в названном списке или же руководящий орган партии самостоятельно выбирает из списка любую кандидатуру для замещения депутатского мандата (вне очередности). Эта проблема была поставлена перед Конституционным Судом в другом запросе, который поступил почти сразу после рассмотрения дела «о лишении депутатского мандата». Если исходить из того, что для замещения вакантного депутатского мандата не требуется выбирать лишь того кандидата, который в «партийном списке» стоит на строчку ниже (по отношению к выбывшему парламентария), то через механизм открытия вакансий для некогда «наказанного» депутата сохраняется возможность возвращения в парламент по решению партии. Но, вновь подчеркнем, такое возвращение можно рассматривать при условии, что этому не препятствует наказанность за нарушение ограничений и запретов, установленных для депутатов. А является ли наказанность таким препятствием?

Современная политико-правовая практика развивается интенсивно, выдвигая сложные и неоднозначные вопросы реализации механизма конституционно-правовой ответственности. Очевидно, что наука конституционного права не всегда готова предложить современные наработки, позволяющие адекватно и оперативно ответить на возникающие в практике коллизии. Поэтому усилия ученых-конституционалистов на данном направлении необходимо только наращивать, в том числе посредством проведения обсуждений на научных семинарах и конференциях, специально посвященных проблемам конституционной ответственности.

Профессор СПбГУЭФ **Г. Г. Бернацкий** полагает, что в обсуждаемом вопросе следует договориться прежде всего об исходных понятиях. Юристы-практики обычно отождествляют юридическую ответственность с санкциями. Такой подход нередко встречается и в отраслевых научных исследованиях. В теории права юридическая ответственность часто понимается как предусмотренная нормами права обязанность субъекта правонарушения претерпевать неблагоприятные последствия. Вместе с тем Л. Б. Ескина предлагает рассматривать конституционную ответственность как «правоотношение», которое может возникать и без наличия правонарушения. В этом случае имеет место позитивная ответственность. Таким образом, можно считать, что юридическая ответственность — это отношение правовой подотчетности, при котором один субъект имеет право

проверять деятельность другого субъекта и налагать на него правовые меры принуждения (наказания) или поощрения по результатам проверки (санкции). К слову, в литературе отмечается, что сами санкции могут быть не только негативными, но и позитивными.

Кроме того, требуется четкое уяснение вопроса об основаниях конституционной ответственности. Например, какой именно конституционный деликт совершил президент, который подвергается отрешению от должности? Можно утверждать, что кроме совершения тяжкого уголовного преступления президент нарушил и данную им присягу — норму конституционного права, а именно не выполнил обязанность соблюдать и защищать Конституцию РФ. Когда мы имеем дело с субъектом конституционного права, то именно нарушение конституционных норм и составляет деликт, как основание конституционной ответственности.

Субъектами конституционных правоотношений выступают социальные общности, этнические группы, сам народ государства. Если ответственность — это правоотношение, то субъектами этого конституционно-правового отношения могут считаться и народ государства, и само государство. В США гражданин имеет право призывать к ответу в суде и отдельный штат, и федеральное правительство. Поэтому нельзя согласиться с Л. Б. Ескиной в той части, что «не являются субъектами конституционно-правовой ответственности народ России, народы России, коренные малочисленные народы, национальные меньшинства, малочисленные этнические общности, субъект РФ». Ее позиция содержит внутреннее противоречие. С одной стороны, она исходит из того, что ответственность — это правоотношение, а в любом правоотношении есть хотя бы две стороны, с другой — она полагает, что субъектами могут быть только те, на которых можно наложить какое-либо взыскание. Примечательно, что проф. А. В. Поляков (СПбГУ) резонно заметил, что к позитивной ответственности народ государства всегда готов быть привлечен.

В вопросе о санкциях конституционно-правовой ответственности следует согласиться с мнением А. Н. Кокотова: негативная конституционная ответственность реализуется, например, путем поражения специального права субъекта. В таком случае неясно, почему нельзя считать досрочный роспуск парламента или досрочную отставку председателя правительства примером санкции конституционной ответственности. Основным контраргументом выступает то, что при привлечении к негативной конституционной ответственности необходимо наличие неправомерного поведения (конституционно-правовой деликт). Вместе с тем известно, что правительство может быть досрочно отправлено в отставку без наличия деликта и вины, например, при необходимости изменения экономического курса страны.

Специфика конституционной ответственности, по мнению Г. Г. Бернацкого, состоит в том, что к ней можно привлечь без наличия деликта и вины. Это касается тех случаев, когда речь идет о политических, экономических, нравственных отношениях, которые складываются между субъектами конституционного права. В силу расстановки политических сил, экономических потребностей государства или иных причин государство приходит к необходимости сменить правительство или досрочно распустить парламент. Возражающие против такой постановки вопроса считают, что в данных случаях имеет место политическая, а не правовая ответственность. Конечно политические, экономические или нравственные отношения не тождественны правовым отношениям. Но вспомним, что политические или моральные отношения становятся одновременно и правоотношениями, если они урегулированы юридическими нормами.

Президент может привлечь правительство к конституционной ответственности и отправить его в отставку исходя из политической целесообразности или новых экономических задач. Сам президент несет ответственность перед народом государства. Это, конечно, политическое, но одновременно и правовое отношение. В демократическом правовом государстве установлены правоотношения между гражданами и государством, выражающиеся во взаимных правах и обязанностях. Граждане могут не переизбрать президента на новый срок. Перед новыми выборами народ требует от президента легальным путем «дать отчет» о своей прошлой деятельности на посту президента, т. е. народ привлекает его к конституционной ответственности. И санкции в этом случае могут быть противоположными: позитивная (переизбрание на новый срок) и негативная (лишение его возможности возглавлять государство еще один срок).

Совсем иным образом строятся политические отношения, например, в государстве с абсолютной монархией. Монарх не связан конституцией и иными правовыми актами в своей деятельности. Он отвечает перед Богом, политической элитой и собственной совестью. Он связан религиозными, политическими, нравственными, но не юридическими нормами. Поэтому здесь можно говорить собственно о политической или моральной, но не государственно-правовой ответственности. Одновременно с этим в современном правовом государстве далеко не все политические отношения урегулированы правом. Между политическими партиями могут складываться собственно политические отношения, например, договоренности в период участия в предвыборной кампании. Они не регулируются правом. Поэтому в случае нарушения договоренностей партии будут нести друг перед другом собственно политическую, но не юридическую ответственность.

Целям, структуре конституционно-правовой ответственности, ее месту в системе права посвятила свое выступление доц. юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ *Л. П. Красовская*. По ее мнению, конституционная ответственность призвана восстанавливать конституционный порядок, реализовывать справедливое возмездие для нарушителей конституционных норм — органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц. В связи с этим следует согласиться с мнением авторов, различающих позитивный и ретроспективный аспекты конституционной ответственности. Конституционная ответственность в ее позитивном понимании есть активная позиция всех ветвей публичной власти в государстве, их органов и должностных лиц по соблюдению принципов верховенства Конституции, ее непосредственного действия, реализации конституционных установлений — целей, принципов — в текущем законодательстве, в судебной, надзорной и иной правоприменительной практике.

Конституционная ответственность в ее ретроспективном понимании подразделяется на восстановительную и репрессивно-карательную (наказательную). Так, отмена неконституционного нормативного правового акта означает устранение ошибки в законотворчестве и по своей юридической природе представляет собой средство защиты, восстановление конституционности. Отстранение и освобождение от должности должностного лица по мотивам отсутствия профессионализма, утраты доверия, неспособности по состоянию здоровья длительное время осуществлять свои функции, отзыв депутата в силу его бездеятельности являются мерами восстановительно-защитной конституционной ответственности, средствами восстановления конституционного порядка.

Конституционная ответственность репрессивно-карательного характера за виновное нарушение конституционных установлений предполагает нарушение не только норм Конституции, но и законов, совершение измены или иных тяжких преступлений. Основаниями карательной конституционной ответственности высших должностных лиц государства, депутатов, судей могут быть аморальные поступки, действия, нарушающие присягу, подрывающие авторитет государственной власти, только при условии указания на это в самой Конституции РФ или в ином источнике конституционного права. При этом в случаях наступления репрессивной конституционной ответственности органов публичной власти, политических партий установление их вины обязательно в судебном порядке.

Конституционная ответственность в таком понимании не может носить отраслевой характер в контексте частного и публичного права. Она имеет надотраслевую природу. В то же время отношения, регулируемые Конституцией, могут защищаться средствами иных отраслей права (мерами уголовной, административной и иных видов юридической ответственности). Конституция РФ содержит общие принципы, которые можно отнести к юридической ответственности: равенство всех перед законом и судом, возмещение вреда в полном объеме, неотвратимость наказания, недопустимость изменения к худшему, состязательность процесса, право на защиту лица, привлеченного к ответственности, и др.

Особое внимание участников обсуждения привлек вопрос об ограничении конституционно-правовой ответственности от иных мер государственно-правового принуждения.

Доцент СЗФ РПА Министерства юстиции РФ **В. А. Овчинников** заметил, что отграничить юридическую ответственность от других мер принуждения можно, лишь определив цели и основания ее применения.

Так, Конституция РФ (п. 2 ст. 22) допускает задержание физического лица на срок до 48 часов. Что это — юридическая ответственность или государственное принуждение? Поскольку в данном случае нет вины, то, видимо, это не ответственность, а иная мера государственного принуждения. Точно так же если Государственная Дума Федерального Собрания РФ трижды не утверждает кандидатуру, предложенную Президентом РФ на должность Председателя Правительства РФ, то Президент РФ распускает Государственную Думу Федерального Собрания РФ, применяя к ней меру принуждения, но не ответственности.

По мнению начальника правового управления аппарата Уставного суда Санкт-Петербурга доц. **Д. А. Лисовицкого**, в арсенале права есть множество средств обеспечения правомерного поведения. Это могут быть, например, контрольные механизмы, связанные с применением государственно-властных мер — от предписания об устранении нарушений до отмены правового акта подконтрольного должностного лица. Однако только санкции юридической ответственности обеспечивают систему правовой нормативности посредством самых жестких мер, воздействующих на человека, с учетом закрепленных в самом праве гуманистических идей.

Следовательно, при решении проблемы идентификации конституционно-правовой ответственности в ряду других явлений конституционно-правовой природы необходимо задаться вопросом: преследует ли предусмотренная конституционным правом санкция в качестве своей цели обеспечение системы конституционно-правовой нормативности за счет частной и общей превенции? Если да, то мы имеем дело с ответственностью. Если же мы приходим к отрицательному ответу, то сделать однозначный вывод по поводу природы рассматриваемого явления было бы

неверным, поскольку речь может идти как об иных мерах государственно-властного воздействия в конституционном праве, так и о дефекте правового регулирования.

Например, прекращение полномочий высшего должностного лица субъекта РФ по решению Президента РФ в связи с утратой его доверия можно определить как меру государственно-властного воздействия в конституционном праве, не связанную с ответственностью, поскольку при отсутствии четко сформулированных оснований (даже с учетом последних изменений законодательства) никакой частной и общей превенции не достигается. Лицо, отрешаемое от должности, никогда не сформирует отношение к своему поведению как противоправному, поскольку критерий оценки его поведения лежит не в правовом поле, а в сфере субъективного усмотрения лица, реализующего меры государственно-властного воздействия. По этой же причине в рассматриваемом случае не будет и общей превенции, поскольку для других высших должностных лиц субъектов РФ данное событие в силу отсутствия общего критерия оценки деятельности всех лиц такого уровня также не будет основанием для формирования необходимого субъективного отношения к ситуации.

На меры конституционно-правовой ответственности субъектов избирательно-правовых отношений обратили внимание доц. СЗИУ РАНХиГС **И. С. Алехина** и доц. Санкт-Петербургского государственного университета авиакосмического приборостроения (ГУАП) **М. В. Сербин**.

Анализируя виды конституционно-правовой ответственности, исследователи обычно выделяют избирательно-правовую, отметила **И. С. Алехина**. При этом речь идет о расформировании избирательных комиссий, об отмене решения о регистрации кандидата, избирательного объединения, об исключении кандидата из заверенного списка кандидатов за *совершенные ими правонарушения* (например, за использование должностного или служебного положения, за нарушение правил финансирования своей избирательной кампании или за нарушение правил предвыборной агитации), об отмене результатов выборов на основании решения суда за нарушения, допущенные кандидатом или его представителями. В стороне от широкого правового обсуждения обычно остаются меры, применяемые к СМИ.

Во всех указанных примерах имеет место лишение специального статуса субъектов избирательных правоотношений за допущенные ими правонарушения. При этом за некоторые правонарушения может быть предусмотрена как конституционно-правовая, так и уголовная и административная ответственность (например, за сбор подписей с нарушением избирательного законодательства).

В случае расформирования избирательной комиссии закон четко предусматривает основания, по которым это происходит. Однако законодатель прямо не указал, за какие именно правонарушения член избирательной комиссии с правом решающего голоса может быть лишен своего статуса. Отметим, что в судебной практике неоднократно принимались такие решения, когда член комиссии с правом решающего голоса лишался своего статуса (был выведен из состава комиссии) по решению суда за допущенные им нарушения. Впоследствии такие лица не могут быть членами избирательной комиссии с правом решающего голоса в течение пяти лет.

Лицо, назначившее члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, не может его отозвать (ни за допущенные им правонарушения, ни за переход в другую партию), чего нельзя сказать о представителях кандидатов и избирательных объединений. Член избирательной комиссии с правом совещательного голоса, доверенное лицо и другие представители

кандидата и избирательного объединения могут быть просто отозваны лицом, их назначившим, при этом согласие отзываемого лица не требуется и его мнение не учитывается.

Отмена регистрации кандидата и избирательного объединения может наступить не только за совершенные ими правонарушения, но и за действия, совершенные их «официальными представителями» (доверенными лицами и др.).

Рассматривая институт отмены решения о регистрации кандидата и избирательного объединения, часто не выделяют, что именно в данном случае будет являться конституционно-правовой ответственностью. Полагаем, что отмена решения избирательной комиссии о регистрации избирательного объединения на том основании, что в списке кандидатов, выдвинутых избирательным объединением, осталось меньше кандидатов, чем того требует законодательство (в связи с тем, что кандидаты сняли свою кандидатуру по собственному желанию), не является конституционно-правовой ответственностью.

Основаниями для отмены решения о регистрации кандидата, списка кандидатов являются, в частности: нарушения порядка использования избирательного фонда; установленный решением суда факт несоблюдения установленных ограничений в течение агитационного периода; неоднократное использование преимуществ должностного или служебного положения; установленный решением суда факт подкупа избирателей. При этом за вышеперечисленные нарушения предусмотрена как конституционно-правовая, так и уголовная и/или административная ответственность.

Пример только конституционно-правовой ответственности — отказ в регистрации в случае, если кандидат в депутаты выдвинут от одной политической партии, будучи членом другой политической партии. Указанный факт не является основанием для отказа в регистрации кандидата на должность главы субъекта РФ.

По мнению **М. В. Сербина** к конституционно-правовой ответственности зачастую необоснованно относят правовые средства, таковой не являющиеся. Крайне сложно, а иногда и невозможно в так называемых составах «конституционно-правовых деликтов» определить субъект правонарушения и субъект, который претерпевает негативные последствия (например, в институте признания результатов голосования недействительными). В связи с этим рассмотрение вопросов конституционно-правовой ответственности в сфере избирательных правоотношений актуально и практически востребованно.

М. В. Сербин считает возможным предусмотреть в избирательном законодательстве конституционно-правовую ответственность избирательного объединения или политической партии при отказе избранного кандидата от получения мандата. В качестве меры такой ответственности может выступать отказ в предоставлении бесплатного эфирного времени и бесплатной печатной площади или отказ в предоставлении преференций при проведении последующих выборов соответствующего уровня. Небезосновательна, по его мнению, и дискуссия об обязательности явки избирателей на выборы с последующей административной или даже конституционно-правовой ответственностью за неявку при условии предварительной регистрации. Такая новация будет направлена на повышение политической ответственности избирателя в правовом государстве, где у гражданина существуют обязанности по отношению не только к государству, но и к обществу. Иными словами, данный вид ответственности может быть направлен на пробуждение гражданской активности электората, на повышение уровня

его правосознания, в связи с чем обязательства по участию в выборах не будут восприниматься как ограничение свободной воли населения.

В заключительном слове проф. **Л. Б. Ескина** уточнила свою позицию. По ее мнению, в настоящее время правильно ставить вопрос именно о формировании конституционно-правовой ответственности как нового правового явления в рамках конституционного права, а отнюдь не о существовании полноценного института конституционно-правовой ответственности. Ею также было предложено создание Петербургского юридического клуба на базе вузов, обеспечивающих преподавание юридических дисциплин, и представительств юридических ведомств в Санкт-Петербурге.

Елизавета Андреевна Соболева,
аспирант кафедры конституционного права СЗИУ РАНХиГС

Elizaveta Andreevna Soboleva,
Postgraduate student of the Constitutional Law Department
North-West Management Institute of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration

© Е. А. Соболева, 2013
E-mail: liza.soboleva89@mail.ru

Людмила Викторовна Цыцарева,
аспирант кафедры конституционного права СЗИУ РАНХиГС

Ludmila Viktorovna Tsitsareva,
Postgraduate student of the Constitutional Law Department
North-West Management Institute of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration

© Л. В. Цыцарева, 2013
E-mail: tsitsareva@mail.ru